

ПОЛИТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ БЕЖЕНЦЕВ К СЕЛЬХОЗРАБОТАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье охарактеризована политика Российской империи в отношении беженцев в период Первой мировой войны как источника рабочей силы для аграрного сектора. Показаны состав и расселение беженцев, динамика государственной помощи беженцам и их участие в сельскохозяйственных работах.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, беженцы, рабочая сила, сельское хозяйство.

Государственная политика в отношении беженцев состояла в подчеркивании временности их статуса и даже в сохранении, по возможности, на новом месте их прежней социальной структуры. Правила по устройству беженцев предписывали расселять их компактно, стараясь не дробить не только семьи, но и сельские общины². Эвакуация беженцев и расселение их на новом месте жительства протекали под контролем властей. Размещение партий беженцев внутри губерний осуществлялось Губернскими земскими комитетами попечения о беженцах, которые распределяли прибывающие поезда по станциям назначения³.

Значительную долю беженцев составляли крестьяне (75–85 % по оценке Татьянинского комитета), однако центрами притяжения для них стали преимущественно города, находившиеся по пути следования эшелонов с беженцами. Кроме того, в городах беженцам легче было найти себе пристанище и получить помощь. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов в январе 1916 г. рекомендовал губернаторам использовать ряд мер для направления беженцев в аграрные районы. Эти меры включали широкое оповещение о местах наибольшей нужды в сельскохозяйственных рабочих и примерной заработной плате, посредничество земств в направлении беженцев к сельским обществам, усиление мер попечения о семьях, оставляемых беженцами на время

¹ Букалова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орловский филиал; STL1612@yandex.ru, Россия, г. Орел.

² Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 697. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–23.

³ ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 5888. Л. 34.

работ. Уездные земские управы обязывались заранее оповещать беженцев об объеме работ и уровне заработной платы, выполнять посреднические функции в вопросах найма [5, с. 138].

По оценке А.Н. Курцева, в среднем по империи в городах остановилось 35 % беженцев [6, с. 117]. Следовательно почти 2/3 беженцев расселились в сельской местности Европейской России. По уточненным данным Татьянинского комитета на конец 1916 г. в сельской местности 1 беженец приходился на 100 жителей, а в городах — 1 на 28 горожан [4, с. 27]. По отношению к коренному населению Орловской губернии доля беженцев составляла всего лишь около 2 %, при этом присутствие перемещенных лиц более всего было заметно в городах. В городах Орловской губернии остановилось в среднем 26,8 % прибывших в губернию беженцев. Если в сельской местности беженцы составляли около 1,5 % по отношению к жителям уездов, то доля беженцев среди горожан вырастала до 7,5 %⁴. При этом наибольший пресс со стороны беженцев испытывали Брянск и Карачев, где беженцы составляли соответственно 22,6 % и 34,8 % по отношению к местному населению. В других городах доля проживающих беженцев не превышала 6 %. В то же время в Орловском, Карачевском, Болховском и Дмитровском уездах доля беженцев, живущих в городах, превышала 40 %⁵.

К осени 1915 г. стало ясно, что беженцы представляют особую социальную категорию, остро нуждающуюся в систематической государственной помощи. Однако с течением времени проявляется стремление к сокращению государственных расходов на содержание этого слоя людей. В финансовом отношении был выбран курс на интеграцию беженцев как рабочей силы в хозяйственную структуру мест их пребывания. В условиях все более ощутимого недостатка рабочих рук в стране было естественным желание государства рассматривать беженцев не как массу иждивенцев, предоставленную его заботам, а как довольно значительный источник трудовых ресурсов. Однако проблема обеспечения и трудоустройства беженцев в годы Первой мировой войны оказалась достаточно сложной и для центральной власти, и для местного самоуправления, и для самих беженцев.

С началом массового прибытия беженцев во внутренние губернии страны встал вопрос об их расселении. В Законе о беженцах от 30 августа 1915 г. не было сказано, что их принятие относится к натуральным повинностям населения. Министерством внутренних дел было

⁴ Приводимые цифры являются приблизительными, так как автор располагает данными о численности населения городов и уездов губернии на 1 января 1914 года и данными о численности проживающих в них беженцев на 1 января 1916 года.

⁵ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 735. Л. 3–16.

решено размещать беженцев по крестьянским избам от 1 до 3-х семей в каждой за плату 8–12 руб. за избу, в которой должно помещаться не меньше 8-ми человек. Расселение беженцев в сельской местности проводилось уездной полицией в добровольно-принудительном порядке⁶. Становые приставы собирали сведения о помещенных, в которых можно было разместить беженцев (их тип, вместимость, принадлежность, расстояние от железнодорожных станций). Эти данные сообщались уездному исправнику, контактировавшему с уполномоченным по устройству беженцев в губернии. Обычно в крестьянском доме помещалась 1 семья беженцев, иногда с подселением бездетной пары или одинокого беженца. В среднем в 10 крестьянских избах размещалось 63 беженца⁷. В опубликованных воспоминаниях беженцев-белорусов, проживавших в деревнях, приводятся сведения о том, что они оказывали трудовую помощь своим «хозяевам», а те, в свою очередь, делились с ними продуктами [2, с. 130–131].

Подыскание работы для беженцев входило в задачи организаций, занимавшихся их устройством. Контроль над привлечением беженцев к труду МВД возлагало на губернаторов⁸. Налаживанию связей между органами и работодателями были призваны помочь Трудовые бюро, организованные при некоторых уездных комитетах попечения о беженцах. С 15 октября 1915 г. началась деятельность Бюро труда при Орловском областном комитете Всероссийского союза городов. Бюро справок, существовавшее при Вокзальной комиссии, регистрировало запросы работодателей и сообщало эти сведения обратившимся беженцам. В состав Бюро входили представители Татьянинского комитета, Орловского городского комитета о беженцах, представители орловского губернатора и уездного комитета о беженцах. На его совещания приглашали старшего фабричного инспектора, который мог выдавать пособия и билеты на бесплатный проезд квалифицированных рабочих. Из обратившихся в Бюро 952 человек работу получили 748, из них более половины – за пределами губернии⁹.

Для принуждения к работе одновременно применялись поощрительные стимулы и принудительные меры. Беженец, уклонившийся от соответствующей его познаниям и навыкам работы, снимался с казенного пайка. В то же время, поиски беженцем работы первоначально не являлись основанием для снятия с пайка его самого и членов семьи¹⁰.

⁶ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5244. Л. 160; Ф. 706. Оп. 1. Д. 710. Л. 68.

⁷ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 850. Оп. 1. Д. 152. Л. 6–74, 91–108.

⁸ Государственный архив Калужской области (ГАКО) Ф. 783. Оп. 1. Д. 1206. Л. 41.

⁹ Отчет о деятельности Орловского областного комитета Всероссийского Союза городов. Орёл, 1917. С. 1–30.

¹⁰ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5299. Л. 35.

Принуждение при организации трудоустройства беженцев способствовало установлению уездными земскими управами различных правил. К примеру, Оренбургская уездная земская управа постановила, что за отказ от работы трудоспособных беженцев лишать казенного пособия не только отказника, но и его семью. Для тех, кто выходил на работу паек сохранялся вне зависимости от размера заработной платы. Для определения трудоспособности беженцев проводился медицинский осмотр [8, с. 153].

Из-за наплыва значительной массы населения из районов, охваченных боевыми действиями, был взят централизованный курс на максимальное сокращение государственной помощи беженцам и перевод их на самообеспечение. Согласно Руководящим положениям по устройству беженцев, утвержденным 2 марта 1916 г., из числа осевших беженцев продовольственную и квартирную помощь имели право получать дети до 14 лет включительно, нетрудоспособные, 1 из взрослых в семье, надзирающий за детьми, и беженцы, поступившие на сельхозработы. Официально нетрудоспособными считались дети до 12 лет, старики от 60 лет и старше, женщины, имевшие на попечении не менее двух детей до 8 лет¹¹. При этом продовольственный паек в полном объеме могли получать 4 члена семьи, все остальные – только половину¹².

Циркулярное письмо МВД и Особого совещания по устройству беженцев от 26 июня 1916 г. предписывало губернаторам снять с продовольственного пайка 15 % беженцев в городе и 10 % на селе, мотивируя это крайне затруднительным состоянием казначейства¹³. В III квартале 1916 г. общий кредит на содержание беженцев сокращался наполовину. В IV квартале предполагалось лишить пайков беженцев, вставших на сельхозработы¹⁴. В итоге из состоявших в январе 1917 г. на попечении Орловского губернского земского комитета о беженцах 35,5 тыс. чел. пособие получали 14168 человек¹⁵.

Уездные комитеты не имели права самостоятельно определять или изменять размер пайка, получаемого беженцами. Они могли планировать свою работу исходя из средств, отпускавшихся в их адрес Государственным казначейством. Смета отражала не объем необходимой помощи, а соотношение рекомендованного количества пайков и пособий с числом беженцев, проживающих в уезде. Жиздринский уездный комитет попечения о беженцах Калужской губернии никак не

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 194, 201.

¹² ГАОО. Ф. 697. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–23.

¹³ Там же. Д. 3. Л. 25.

¹⁴ Там же. Ф. 580. Ст. 1. Д. 6162. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

мог согласиться с сокращением на 50 % ассигнований на пайки, он не желал «навлекать на себя озлобление местного населения и беженцев» и считал невозможным продолжать работу по устройству беженцев в случае «задержки финансирования... в действительной потребности». В декабре 1917 г. Комитет объяснил допущенный перерасход средств на пайки для беженцев невозможностью уменьшения их числа [2, с. 135–136].

Тяготы жизни вынудили 19 беженцев, размещенных в с. Крутое Елецкого уезда Орловской губернии, обратиться в начале 1916 г. в Татьянинский комитет с жалобой. Проверка, проведенная уполномоченным по устройству беженцев в Орловской губернии И. Голыным и Главноуполномоченным VIII района В. Лигиным, показала, что «многие старики и больные лишены продовольственного пайка» [1, с. 103].

Черты принудительного труда заметны в тех условиях, в которых оказывались беженцы на рынке рабочей силы. Помимо того, что сферой их занятий был определен аграрный сектор, широко практиковались твердые расценки на труд беженцев, которые были обязательными. За отказ наниматься на этих условиях они лишались пайка. Твердые расценки на труд беженцев устанавливались Уездными комитетами, после чего они вносились в Губернский комитет, где прочие уездные комитеты могли ознакомиться с ними и принять их для себя.

Первым в Орловской губернии выработал расценки на труд беженцев Малоархангельский уездный комитет в самом начале марта 1916 г. За ним вскоре последовали Ливенский, Мценский, Орловский и Брянский комитеты. В Малоархангельском уезде взрослый мужчина мог получить 12 руб. в месяц, женщина — 8 руб., подростки и старики — 7 руб. В Мценске дороже оценивался поденный труд. В страду беженцам предоставлялось право наниматься по договорным ценам. В Ливнах в страдную пору расценки совпадали с малоархангельскими, в обычное же время были ниже — 8 руб. мужчинам, 6 руб. — женщинам и подросткам. Поденный наем был выгоднее, поскольку мужчины могли получать 60–80 коп. в день, женщины — 40 коп. Беженцы принимались на работу на хозяйских харчах. Члены Брянского комитета, принимая расценки на труд беженцев, отметили, что они вряд ли будут иметь практическое значение, т.к. сложившиеся к тому времени в Брянске и окрестностях цены на труд превышали предлагаемые нормы¹⁶.

В Орловской губернии в 1916 г. 4 тыс. беженцев (по всем уездам) приняли участие в сельскохозяйственных работах¹⁷. В Рязанской губернии в сельхозработах участвовало 10 % беженцев, в иных работах — 14 %, безработными числилось 8 % [2, с. 134]. В течение апреля 1916 г. в Калужской губернии на сельскохозяйственные работы стали 2973

¹⁶ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5299. Л. 35, 46, 47.

¹⁷ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5316. Л. 81; Д. 5338. Л. 19–20.

чел., в июне — 1932 человека [1, с. 106]. К октябрю этого года на сельскохозяйственных работах по губернии находилось, согласно сведениям Татьянинского комитета, около 10 тыс. беженцев (14 % от их общего числа), трудившихся на других работах насчитывалось 15 % [2, с. 133]. В Харьковской губернии в сельскохозяйственных работах в июле-сентябре 1916 г. было занято от 13 до 18 % всех состоявших на учете беженцев [3, с. 94].

В Орловской губернии за отказ от сельскохозяйственных работ в 1916 г. были лишены пайков 3228 человек¹⁸. В мае 1916 г. в Калужской губернии были лишены пособий за отказ от работы в сельском хозяйстве без уважительной причины 590, а в июне — 635 человек [2, с. 133].

Фактором, существенно снижавшим значение беженцев как резерва рабочих рук, следует признать наличие среди них значительного числа семей с детьми. Абсолютное большинство бежавших от войны семей имели детей, нередко по 5–7 человек, иногда до 9-ти детей. Бездетными были лишь 2,8 % семейных пар. В среднем на 2 семьи приходилось 3 ребенка. Средняя семья беженцев состояла из 5-ти человек¹⁹. Одинокими было всего 5 % беженцев, почти $\frac{3}{4}$ из которых были женщины, поскольку мужчин-беженцев призывали в армию. Оба супруга имелись только в 62 % семей беженцев, $\frac{1}{4}$ часть семей были неполными и возглавлялись женщинами, 13 % — мужчинами.

На основании данных материалов по Орловской губернии $\frac{3}{4}$ беженцев в любой ситуации оставались бы на положении иждивенцев казны. Если считать, что трудоспособными признавались беженцы в возрасте от 14 до 60 лет, то их доля во всем пришлом населении составляла 43,6 %. Из этого числа следует исключить взрослых женщин, занятых присмотром за детьми. Учитывая, что в губернии остановилось около 10 тыс. семей беженцев, их доля составила 20 % всех беженцев. Таким образом, число трудоспособных беженцев сократилось до 23,6 %, считая подростков²⁰. И.Б. Белова оценивает долю нетрудоспособных в общей массе беженцев в 68 %, относя к ним детей до 14 лет, инвалидов, лиц старше 60 лет и матерей, занятых уходом за детьми (на их долю приходится 15 %) [2, с. 142].

Стремление способных к труду беженцев самим обеспечить семью не могло быть реализовано и по причине сезонного характера, как сельскохозяйственных работ, так и лесозаготовок, на которых они были заняты. Также оказывал свое влияние и национальный состав беженцев. А.Н. Курцев по материалам переписи беженцев Петрограда и пригородов определил число русских (православных) среди них в 28 % [6,

¹⁸ ГАОО. Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

¹⁹ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5245. Л. 4–26; Ф. 706. Оп. 1. Д. 735. Л. 3–16.

²⁰ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 735.

с. 142]. В Орловской губернии насчитывалось среди беженцев 51,3 % русских, в Курской – 16,6 % и в Калужской – 87 % [1, с. 89; 6, с. 30, 32]²¹. Следовательно, немалая доля беженцев попросту не владела языком местного населения и ощущала себя вдвойне маргинальной изолированной социальной группой. Неудивительно, что среди беженцев преобладали «выжидательные» настроения, связанные с надеждой на возвращение к родным очагам, а не стремление глубоко интегрироваться в местную жизнь. Лишившись привычной обстановки, имущества, а порой и близких, беженцы имели моральное право рассчитывать на опеку со стороны государства.

Государственную политику полупринудительного привлечения беженцев к труду, проводившуюся в течение 1916 г., нельзя назвать перспективной. Объективные причины ограничивали число сельскохозяйственных рабочих в массе беженцев, что не позволяет рассматривать их в качестве полноценной замены тем, кто ушел на войну. Практиковавшееся лишение беженцев пайков, вместо того, чтобы стимулировать их труд, служило дальнейшему озлоблению, маргинализации и криминализации беженцев.

Литература

1. *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011.
2. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014.
3. *Жванко Л.Н.* Проблема трудоустройства беженцев Первой мировой войны в украинских губерниях во времена Российской империи // Науч. труды исторического ф-та Запорожского национального ун-та [на укр. яз.]. 2013. Вып. XXXV.
4. Всероссийский Земский и Городской Союзы: Отдел по устройству беженцев (Очерк деятельности). Б\м, б\г.
5. *Зигель И.А.* Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы Первой мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003.
6. *Курцев А.Н.* Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2009.
7. *Курцев А.Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999.
8. *Рязанский И.В.* Тыловая провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 года: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.

²¹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5245. Л. 4–16; Ф. 706. Оп. 1. Д. 735. Л. 3–16.